

С.В.Яров

ЭСПЕРАНТИЗМ КАК ПОЛИТИКО-ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ ЭКСПЕРИМЕНТ 1920-30-Х ГОДОВ

(Судьба Ленинградской организации Союза эсперантистов)

История

История эсперантизма в СССР доныне принадлежит к числу малоизученных страниц нашего прошлого. Множество статей и книг по проблемам теории и истории эсперанто в основном увидело свет в 1920-30 гг. В дальнейшем эта тема оказалась "запретной" и была надолго окружена завесой молчания. Лишь недавно в печать проникли сведения о судьбе Союза эсперантистов советских республик (СЭСР), внезапно и безо всяких объяснений исчезнувшего в конце 1930-х гг. Арест руководства СЭСР в 1937 г., объявление эсперанто "языком шпионов" [1] явились, несомненно, составной частью политики и практики Большого террора. Узаконенные в эпоху сталинизма идеологические стереотипы и порожденное политико-экономической автаркией государства отрицательное отношение к любым формам неконтролируемых международных связей на многие годы определили судьбу советского эсперантизма.

Первые эсперантистские организации возникли в России еще до революции [2]. Дважды - в 1910 и 1913 гг. - созывались всероссийские конгрессы эсперантистов. Однако, несмотря на имевшиеся тенденции к объединению, эсперантистское движение к октябрю 1917 г. представляло собой бесформенный конгломерат различных кружков, групп, обществ и клубов, нередко малочисленных, слабо связанных друг с другом и быстро прекращавших существование. Показательна в этом отношении деятельность эсперантистских кружков в Петрограде. Помимо основанного в 1891 г. и воссозданного в 1911-1913 гг. общества "Эсперо", в столице в разное время функционировали такие объединения эсперантистов, как Универсальная лига, "Петроградский совет по эсперантским делам", общество "Всемирная свобода, равенство, братство" [3]. Из этих организаций лишь "Эсперо" сохранилось до начала 1920-х гг.

В первые годы своего существования эсперантистские группы в основном придерживались принципов политического нейтралитета. Вместе с тем уже в предвоенные и особенно в военные годы обнаруживалось стремление к политизации этого движения, что сыграло в дальнейшем заметную роль в истории эсперантизма. Так, в 1907 г. на Штутгартском конгрессе Социнтерна французские делегаты стремились обсудить вопрос о возможности использования социалистами международного языка [4]. В попытках пропаганды идеи международного языка в социалистических кругах не было ничего необычного. Самые цели создания такого языка были созвучны доктринам социал-демократизма, или лишь сомнения социалистических партий в его практичесности затормозили процесс "социализации" эсперанто. В России он, однако, уже после Февральской революции становился все более и более заметным. Так, в первомайских демонстрациях 1917 г. в Москве и Петрограде впервые участвовали группы социалистов-эсперантистов. Впрочем, не успев в достаточной мере развиться, процесс "социализации" эсперантизма уже после Октября 1917 г. во все возрастающей степени стал заменяться процессом его "большевизации". В конце 1917 г. по политическому признаку оказалось расколотым и общество "Эсперо". Новым президентом "Эсперо" был избран Э.К.Дрезен, будущий лидер СЭСР.

Раскол в "Эсперо" в какой-то мере послужил лабораторией для дальнейшего политического размежевания эсперантистов, фактически завершившегося лишь к 1921 г. В 1919-20-х гг. в ряде городов уже действовали эсперантистские коммунистические группы. После нескольких попыток в июне 1921 г. в Петрограде собрался III Всероссийский съезд эсперантистов. 4 июня им было декларировано образование Союза эсперантистов

© Яров Сергей Викторович, 1995

**ЯРОВ
Сергей
Викторович -
кандидат
исторических
наук,
старший
научный
сотрудник
Санкт-
Петербургского
филиала
Института
российской
истории
РАН,
г.Санкт-
Петербург**

ЯРОВ С.В. ЭСПЕРАНТИЗМ КАК ПОЛИТИКО-ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ ЭКСПЕРИМЕНТ 1920-30-Х ГОДОВ

советских стран (с конца 1920-х гг. - Союз эсперантистов советских республик). Как отмечал впоследствии Э.К Дрезен, "новый союз имел своей задачей объединить всех советских эсперантистов, стоящих на платформе Советской власти и приемлющих пролетарскую революцию" [5].

По существу, в первые годы своего существования СЭСР был не централизованной организацией с жесткой структурой, а аморфным соединением различных групп, кружков и даже отдельных эсперантистов. Следы этой "неоформленности" были еще долго заметны и в последующие годы. СЭСР не сразу смог распространить свою юрисдикцию на различные эсперкружки, и не только в силу их неоднородности, но и из-за традиционной автономности многих эсперантистских организаций. Именно поэтому раздробленность эсперантистов была характерна и для тех регионов, где действовавшие группы в целом поддерживали политику нового союза.

В Петрограде долгое время СЭСР действовал через уже упомянутое общество "Эсперо". Член ЦК СЭСР, известный петроградский эсперантист С.Н.Подкаминер был назначен в феврале 1923 г. временным уполномоченным СЭСР по Северной области [6]. 10 ноября 1923 г. на созванном по инициативе "Эсперо" совещании представителей эспергрупп было принято решение об образовании Петроградского губернского эсперантистского комитета [7]. Однако процесс формирования губернской структуры СЭСР затянулся, и общество "Эсперо" функционировало еще некоторое время [8].

Окончательное оформление губернского комитета СЭСР произошло в 1925-1926 гг. Структура его не была устоявшейся, и степень ее разветвленности и многослойности может служить довольно точным индикатором состояния Ленинградской организации.

Ленинградский комитет СЭСР возглавлялся ответственным секретарем и состоял из членов и кандидатов в члены, число которых в общей сложности колебалось от 10 до 15 человек. Работа в комитете, как правило, не оплачивалась, большинство его членов работало либо в учебных заведениях, либо в различных учреждениях. Состав Комитета на протяжении второй половины 1920-х - первой половины 1930-х гг. постоянно обновлялся, но можно выделить в нем группу лиц, наиболее активно работавших в руководстве Ленинградской организации. Это В.Н.Гогитидзе, В.А.Курманаев, Т.М.Лудзский, И.Е.Майзель, С.Н.Подкаминер, И.А.Рувинский, Г.Н.Тетерин, П.В.Тилин, М.М.Урбан, П.А.Эфишев. В разное время Ленинградский комитет СЭСР возглавляли С.Н.Подкаминер, С.И.Родичев, М.М.Урбан, П.Шумилов.

Комитет состоял из отделов, число и название которых несколько раз менялось. В 1927-1929 гг. функционировали отделы: агитационно-пропагандистский, организационный, общий, административно-хозяйственный, учебный, международной рабочей связи, а также юношеская секция [9]. Потом отделы были заменены секторами, часть которых затем упразднили, но в целом количество подразделений комитета довольно точно соответствовало основным направлениям деятельности Ленинградской организации. Лишь во второй половине 1930-х гг., когда обозначился кризис эсперантского движения, общее число членов комитета резко сокращается и в документах исчезают упоминания о какой-либо его структуре. Работа комитета и его секторов осуществлялась обычно на основе ежеквартальных планов. С образованием районных структур стало практиковаться и соответствующее территориальное планирование. В Ленинградской организации СЭСР действовала и ревизионная комиссия, призванная контролировать финансовую отчетность общества. Однако состав ее был крайне малочисленным, что порой приводило к полной остановке ее работы. Комитет и ревизионная комиссия Ленинградской организации СЭСР избирались на конференциях, число которых к 1935 г. достигло 14. Вместе с тем широко распространилась и кооптация в члены комитета, бывшая следствием характерного для СЭСР формирования структуры сверху вниз.

С начала 1930-х гг. стали образовываться районные отделения СЭСР. Во главе их стояли ответственные организаторы, назначаемые в основном из числа членов Ленобкома. Однако отдельные организации СЭСР имелись не во всех районах, а полномочия, делегированные им Ленинградским комитетом, не всегда были широкими. Основой низовых организаций была ячейка Союза. Таковая утверждалась, согласно Статуту 1927 г., при наличии в ней не менее 3-х действительных членов СЭСР [10]. Ячейки функционировали при клубах, на промышленных предприятиях и в учреждениях, а также в учебных заведениях различного уровня, вплоть до школ 2-й ступени. Помимо

действительных членов в Союз по Статуту 1927 г. входили и "друзья международного языка", имевшие при решении ряда вопросов совещательный голос. В уставе 1932 г. об этой категории членов СЭСР уже не упоминается, но в нем содержится положение о "друзьях межрабсвязи на эсперанто" [11], чей статус во многом совпадал со статусом "друзей языка". Впоследствии, видимо, по примеру МОПР, был даже создан институт "юных друзей межрабсвязи".

Численность организации постоянно колебалась, но какой-либо устойчивой тенденции к ее росту не наблюдалось. Если в 1929 г. Ленинградская организация насчитывала 150 человек [12], то на 1 октября 1931 г. в ней состояло 417 действительных членов СЭСР и 20 "друзей международного языка". Из них владели языком 375 человек [13]. На 1 декабря 1932 г. в организации были 351 человек [14], а в 1934 г. - 334 человека [15]. Большинство эсперантистов было служащими, незначительную их долю составляли и рабочие. Прием в СЭСР регулировался с учетом контрольных цифр, установленных Центральным комитетом Союза. Следует заметить, что Ленинградская организация СЭСР включала в себя далеко не большую часть городских эсперантистов. Представитель ЛО СЭСР отмечал в 1933 г., что "в Ленинграде, при наличии двух тысяч эсперантистов, имеется всего около 200 членов нашего Союза" [16].

Казалось бы, в силу своей специфики движение эсперантистов должно было заниматься преимущественно языковыми проблемами. Однако у СЭСР была черта, резко отличавшая его от прочих лингвистических обществ. Это - политизация всех направлений его деятельности. Международный язык лидерами советского эсперантизма первоначально рассматривался не просто как объект для изучения, как вспомогательное средство международного общения - он оценивался в первую очередь как орудие борьбы за осуществление мировой социальной революции. Соответственно этому все более видное место в обществе стало отводиться не просто изучению эсперанто, но использованию его для переписки с заграницей. Посредством данной акции пытались достичь нескольких политических целей. Во-первых, этим стремились оказать идеологическое воздействие на зарубежных эсперантистов, или, вернее, на те группы, преимущественно из рабочих, которые употребляли эсперанто для переписки с советскими адресатами. Во-вторых, извлеченные из заграничных писем сведения и факты, наиболее отрицательно характеризующие западное общество, использовались в системе коммунистической агитации внутри страны.

Выдвижение международной рабочей связи как основной формы деятельности СЭСР было, однако, не только следствием политических установок руководства Союза, но и обуславливалось рядом других обстоятельств. Ориентированное первоначально в своей тактике и программе не специфическую обстановку в послеверсальской Европе, эсперантистское движение по мере стабилизации политической ситуации в западном обществе начало корректировать свои лозунги. Положение его стало неопределенным. Попытки заручиться официальной поддержкой властей особого успеха не имели. Резко негативное отношение к эсперанто высказали Н.К.Крупская и М.И.Ульянова, и дело здесь было отнюдь не только в их личных взглядах - первая играла видную роль в Наркомпросе, а вторая курировала всесоюзное рабкоровское движение. Своей перепиской по межрабсвязи эсперантисты по существу вторглись в сферу деятельности МОПРа, и ряд документов свидетельствует о довольно напряженных отношениях между этими двумя организациями [17], хотя они и пытались установить контакты [18].

Уже с конца 1920-х гг. до эсперантистов стали доходить слухи о возможном закрытии общества. В условиях отсутствия каких-либо правовых гарантий общественной инициативы в стране последнее отнюдь не было исключено. Среди причин, по которым следовало бы распустить общество, главными назывались его малочисленность, своеобразная "экзотичность", если не утопичность поставленных перед ним политико-лингвистических задач и параллелизм, создаваемый им в тогда уже сильно унифицированной "интернациональной" работе.

Стремясь предотвратить нежелательное развитие событий, СЭСР к концу 1920-х гг. модифицировал ряд своих программных постулатов. В первую очередь изменился и сам взгляд на социальную сущность международного языка. Подчеркивание возможной значительной роли эсперанто в грядущем социальном перевороте, характерное для ранних этапов движения, сменилось на рубеже 1920-30-х гг. на более осторожные

оценки его как вспомогательного языка. Иной подход противоречил бы уже сложившейся иерархии политических ценностей, в которой эсперанто не склонны были уделять видное место. Настаивать на ней означало наверняка быть заподозренным в "левизне", а отсюда и недалеко было и до столь распространенного в те годы обвинения в "троцкизме".

К этому же времени относится и усиление международной переписки на эсперанто. Создание наряду с группами по изучению языка, немногочисленными и нестабильными, широкой сети кружков межрабсвязи, позволивших резко возрасти численности СЭСР, явилось немаловажным аргументом в пользу продолжения деятельности общества. Так, в Октябрьском районе Ленинграда рост кружков МРС привел к тому, что в 1931 г. здесь уже образовалось районное бюро межрабсвязи [19]. Как подчеркивал один из руководителей СЭСР Н. Инцертов, "друзья межрабсвязи теперь должны стать основной массой членов наших организаций" [20].

Обширная переписка эсперантистов в русле международной рабочей связи была в известной мере децентрализована, что отличало ее, например, от переписки по линии МОПР. Эта децентрализация, правда, имела свои границы. Во-первых, переписка осуществлялась как на основе исходивших от ЦК и ЛК СЭСР официальных рекомендаций, так и с учетом многочисленных материалов, публиковавшихся в журнале "Международный язык" под рубрикой "В помощь эсперанту". Во-вторых, лица, осуществлявшие переписку, особенно на предприятиях, не всегда знали языки. Появившиеся в начале 1930-х гг. и расширявшие структуру СЭСР кружки межрабсвязи могли вообще не заниматься изучением эсперанто. Интенсивную переписку на этом языке они вели при помощи опытного переводчика, назначаемого Ленкомом. В-третьих, адреса для переписки, предлагаемые советским эсперантистам, как правило, предоставлялись либо коммунистическими, либо близкими к ним зарубежными организациями. В-четвертых, помимо индивидуальной переписки существовала еще и лучше контролируемая коллективная, ю-то и была охвачена основная масса кружков МРС на предприятиях. К этому следует добавить, что индивидуальную переписку в Ленинградской организации СЭСР рекомендовалось вести под руководством группового эсперкружка [21].

Установлением "международной рабкоровской связи" занимались, кроме СЭСР, и другие объединения, имевшие более прочные, нежели эсперантисты, позиции. В их числе были МОПР и Профинтерн. При всей слабости контактов СЭСР с этими организациями уже сформированные ими образцы переписки с заграницей не могли не учитываться эсперантистами-корреспондентами. В присланных в Ленинградскую организацию СЭСР из Профинтерна рекомендациях "О чем писать рабкорам, желающим установить связь с зарубежными странами" предлагалось, например, "выдвигать в своих письмах требование "об отказе от политики классового мира и о переходе в наступление на предпринимателей с требованием повышения заработной платы, социального страхования и т.д." [22]

К сожалению, сведений о содержании писем, отправляемых за границу, сохранилось немного. Но по некоторым данным можно предположить, что оно было, во всяком случае, по общей направленности, недалеко от предложенного образца. Другое дело, что эти письма были призваны не только разъяснить западному пролетарию его ближайшие задачи, но и дать толкование внутренним проблемам Союза ССР, а о них западноевропейцы имели самую разноречивую информацию. Объяснять их поэтому в духе предложенных интернациональными центрами клише было крайне трудно. Один из активистов СЭСР писал в эсперантом журнале: "Я знаю много фактов, когда переписку бросали только потому, что заграничные товарищи спрашивали: "почему у вас в СССР еще на 12 году есть безработица?", "почему у вас все средства идут на индустриализацию, а сельское хозяйство умирает?", "правда ли, что в СССР нет хлеба?", "правда ли, что у вас введены карточки на хлеб?" [23]. Само неумение дать нужный ответ автор статьи назвал "политической неграмотностью" и примечателен тот способ, который предлагался им целью нейтрализации сомнений лиц, прекративших переписку: - "обратиться в СЭСР-комитет за помощью" [24]. Здесь наглядно обнаруживается связь между возникновением социально-экономических неурядиц в стране и усилением контролирующих функций СЭСР.

География переписки была довольно широкой, хотя в основном устанавливали

связи с западноевропейскими корреспондентами. Согласно сведениям Ленинградского губкома СЭСР, за 1927-1928 гг. эсперантисты обменялись с заграничными рабочими из 40 стран более чем 3000 письмами [25]. Каких-либо ограничений на переписку не было, и лишь после 1933 г. появился "не подлежащий оглашению" циркуляр ЦК СЭСР о том, "что в страны фашистского террора... совершенно недопустима какая-либо непосредственная посылка писем, хотя бы и безобидного характера" [26]. Правда, попытки ограничить число стран, охваченных эсперантской перепиской, наблюдались и ранее. Так, в плане работы бюро межрабсвязи Октябрьского района за период с 1 июня по 1 сентября 1931 г. рекомендовалось "сосредоточить коллективную переписку предприятий... на... наиболее важных в настоящий момент странах" [27]. К таковым были отнесены Германия, Франция, Польша, Финляндия, Испания, Индия и США [28].

Следует отметить, что переписка эсперантистов имела не только информативные цели. В начале 1930-х гг., в русле обретших после 1929 г. необычайный резонанс идей о соцсоревновании, эсперантисты участвовали в заключении договоров с коммунистическими и близкими к ним западными организациями о "международном социалистическом соревновании". Сохранился переведенный с эсперанто проект договора, присланный летом 1931 г. на завод "Стенька Разин" Ринтельским ячейками компартии и комсомола Германии, а также местной группой Боеового союза против фашизма. В ней с немецкой стороны обещалось расширить численность "революционных профсоюзов" и МОПР, и даже "увеличить на 50 % количество избирателей, голосующих за коммунистов, на следующих выборах". Рабочим завода "Стенька Разин" предлагалось перевыполнить пятилетний план, а также "направлять внимание всех трудящихся на заводе на врагов социализма в СССР". От них требовалось обещать "своим германским классовым братьям не покидать завод раньше 100 % окончания пятилетнего плана" [29]. Постановлением ЦК СЭСР от 24 декабря 1932 г. Ленинградской организации СЭСР было предложено вступить в ревсоревнование с "пролетарскими эсперантистами" Лейпцига [30]. Согласившись с этим, ЛК СЭСР решил также "просить закрепить за Ленинградом гор. Гамбург, с которым считать в соревновании Выборгский Дом Культуры" [31].

Переписка на эсперанто, как уже отмечалось, позволила не только установить контакты с зарубежными адресатами, но и употреблять присылаемые ими письма в агитационных целях. Переведенная с эсперанто корреспонденция использовалась по нескольким каналам. Широко практиковалась передача писем в печать. Часть эсперантской корреспонденции попадала даже в центральную городскую прессу - "Смену", "Красную газету". Но в основном она публиковалась в многотиражных газетах, видимо, испытывавших недостаток в материалах по "интернациональной" тематике. Обилие эсперанских писем на "Светлане", например, побудило ее заводскую газету открыть на их основе регулярный отдел межрабсвязи [32]. Интенсивно снабжали эсперантисты письмами газету завода им. К.Маркса "Трибуна" [33]. Некоторые из зарубежных писем помещались и в стенной печати [34]. Однако поступление и публикация эсперанской корреспонденции в печати не всегда были регулярными. Каких-либо устойчивых форм связи эсперантистов с прессой, за редкими исключениями, не существовало. Работа преимущественно велась стихийно. При отделе рабселькоров "Ленинградской правды" некоторое время функционировал "кружок самодеятельности рабкоров-эсперантистов" [35], но данная практика была мало распространена.

Письма эсперантистов использовались не только в периодической печати. Конец 1920-х гг. был примечателен появлением различных выставов и уголков межрабсвязи. Уже к 1928 г., как отмечал член ЛК СЭСР П.В. Тилин, выставки МРС состоялись в шести клубах [36]. В 1931 г. такие выставки писем были организованы на заводах "Красный металлист", "Электроаппарат" [37], "Стенька Разин", фабрике "Красный треугольник" [38].

Свообразной формой межрабсвязи стали и передачи Ленинградской радиостанции на эсперанто. Первая из них состоялась в мае 1928 г. С осени этого же года они стали регулярными. К 1930 г. было выпущено уже около 60 номеров еженедельного радиобюллетеня, чье эфирное время составляло 30 минут. Он имел преимущественно агитационную направленность. "Каждый номер бюллетеня - писал член ЛК СЭСР Г.Н. Тетерин, - состоит обычно из 3-4 статей по вопросам соц. строительства, индустриализации, колхозизации, культурной революции. Обычно одна статья

посвящается молодежи и ее участию в соц. строительстве" [39]. Передачи Ленинградской радиостанции принимались во многих западноевропейских странах, в том числе в Дании, Германии, Франции, Румынии, Нидерландах [40].

Выдвижение на первый план международной рабочей связи не означало, конечно, забвения и специфических лингвистических задач общества. Становление системы обучения эсперанто в Ленинградской организации СЭСР прошло через несколько этапов. На ранней стадии, в период организационной раздробленности эспердвижения, обучение по существу было слито с лекционной пропагандой нового языка. Лишь позднее возникли кружки по изучению эсперанто, ставившие перед собой преимущественно лингвистические цели. На фабриках и заводах кружков было мало. Из крупных промышленных предприятий в этом отношении достойна упоминания только "Светлана". Как отмечал на заседании ЛК СЭСР 30 сентября 1938 г. С.Н.Подкаминер, "кружки, стихийно создавшиеся на предприятиях, получали от нас руководства, после чего мы забывали о них, контроля никакого не было" [41]. Более многочисленными были кружки в учебных заведениях. Имеются сведения об их работе в ЛГУ, Коммунистическом университете национальных меньшинств Запада, Технологическом и Электротехническом институтах, Педагогическом институте им. А.И.Герцена, 3-м музыкальном и сельскохозяйственном техникумах [42]. Уже с 1926 г. появляются сведения о работе кружков эсперанто в ленинградских средних школах. Еще в 1923 г. в РСФСР разрешили преподавание эсперанто в школах как факультативного предмета [43]. К 1931 г. кружки эсперанто действовали сразу в нескольких школах. Составлялись они из учащихся старших классов, в основном учеников выпускных и предвыпускных классов [44].

Основная масса эсперанто-кружков располагалась в профсоюзных клубах и Домах Культуры. Увеличение их числа побудило Облпрофсовет издать в 1928 г. циркуляр по эсперантской работе в клубах [45]. Еще ранее, в 1927 г., ряд отраслевых профсоюзов в Ленинграде дали согласие и выделили средства на организацию клубных кружков [46]. В некоторых клубах кружки эсперантистов получили даже название базовых, а о Выборгском Доме Культуры заместитель ответсекретаря ЛК СЭСР И.Е.Майзель писал в 1934 г., что он "фактически становится центром эсперантской, а, следовательно, и интернациональной... работы в Ленинграде" [47].

Вообще же стабильно работавших кружков было мало, большинство их либо распадалось в силу различных причин, либо сливалось с другими. Регистрация, роспуск и объединение эсперантских групп происходило под контролем Ленкома СЭСР. Он же прикреплял к учебным кружкам групповодов [48]. Согласно подписанный заведующим агитпропотделом ЛК СЭСР 1 октября 1929 г. "Инструкции руководителя кружков по изучению языка эсперанто в клубах и предприятиях", групповодами могли стать только лица, выдержавшие ранее квалификационный экзамен и внесшие членский взнос в СЭСР [49]. Случай, когда групповодом стал эсперантист, не утвержденный специальной комиссией, стал предметом особого обсуждения в Ленинградском комитете СЭСР [50]. К этому следует добавить, что некоторое время для повышения квалификации руководителей кружков при ЛК СЭСР действовал "семинарий руководов" [51]. На его занятиях, как сообщал ленинградский эсперантист С.Ф.Королев, "наиболее опытные руководители получают задания о проведении бесед-лекций по определенному циклу знаний... В установленный день и час они проводят порученную им беседу, происходит обмен мнениями..." [52].

Высшей формой обучения в Ленинградской организации СЭСР стал вечерний эсперанто-университет. Он был сформирован с учетом опыта работы кружков "повышенного эсперанто-курса" в Выборгском Доме Культуры. Такие кружки существовали и в других клубах, в городе к 1930 г. их число достигло 8 [53]. В Выборгском Доме Культуры они образовались уже к 1928 г. [54], а в начале 1930-х г. сюда в качестве преподавателей приглашались виднейшие ленинградские эсперантисты - С.Н.Подкаминер, М.М.Урбан, П.В.Тилин [55]. Эсперанто-университет был открыт при Выборгском Доме Культуры осенью 1933 г. и уже на следующий год завершил курс обучения 150 человек [56]. Сообщивший об этом журнал "Международный язык" отмечал, что "окончившие педагогическое отделение направлены руководителями кружков и курсов, а также на работу на детских площадках. Часть из них командирована интерработниками в Дома Культуры" [57].

Усиление учебной эсперантской работы и интенсивная деятельность кружков межрабсвязи не приостановили, однако, кризиса эсперантистского движения, начавшегося в середине 1930-х гг. Кризис этот имел скорее не внутреннюю природу, а был следствием той политической ситуации, которая сложилась к этому времени в стране. Ограничение гражданской инициативы, всеобщая унификация и регламентация общественной жизни, характерные для второй половины 1930-х гг., сделали положение Союза эсперантистов Советских республик крайне неустойчивым. Симптомы кризиса были откровенно названы ЦК СЭСР в письме "Ко всем организациям СЭСР. О нынешнем положении СЭСР", принятом 19 ноября 1935 г. "Создается впечатление, - отмечалось в нем, - что как будто в последний год деятельность ЦК СЭСР совершенно прекратилась. Журналы СЭСР не выходят, учебников нет, литература не издается... Материальная база движения сошла к нулю." [58]

Кризис затронул и Ленинградскую организацию. Уже в 1934 г. план приема в члены СЭСР был выполнен лишь на 50% [59]. Постепенно сокращается и деформируется структура ЛК СЭСР. По существу, к концу 1936 г. основными направлениями деятельности ЛО СЭСР остались организация радиопередач на эсперанто и обучение в Университете. Но вскоре и это прекратилось. В январе 1937 г. радиопередачи были запрещены под предлогом отсутствия эфирного времени. Данная причина в письме ЛК СЭСР Председателю Всесоюзного Комитета по радиофикации и радиовещанию от 7 февраля 1937 г. объявлялась надуманной, "ибо даже белый обзор календарного распределения времени иностранных передач из Ленинграда показывает наличие резерва часов, достаточного для эсперанто-передач" [60]. Однако, несмотря на беседу С.Н. Подкаминера с представителем дирекции Ленинградского радиокомитета и даже попытку эсперантистов "Светланы", "Скорогода" и "Большевика" обратиться с жалобой к В.М. Молотову [61], данное решение осталось в силе. А в мае 1937 г., согласно ряду свидетельств, прекратил существование эсперанто-университет.

Вскоре из печати исчезли даже упоминания об эсперанто. Еще спустя много лет после исчезновения СЭСР западные эсперантисты не имели никаких сведений о том, что же случилось в конце 30-х гг. с этой организацией [62]. Много неясного здесь остается и по сей день. Дальнейшее изучение эсперантистского движения 1920-30-х гг. позволит, с одной стороны, подробнее исследовать в историческом плане механизмы тотальной централизации всех сфер жизни страны, а с другой - лучше представить социально-психологическое состояние советского общества в период становления и упрочения новых государственных институтов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И ПРИМЕЧАНИЯ

1. Королевич А.И. Книга об эсперанто. Киев, 1989. С. 143.
2. Энциклопедический словарь русского библиографического института Гранат. М., 1938. Т. II. Стб. 509; Бюллетень СЭСР. 1923. № 6. С. 13.
3. Международный язык. 1932. № 4. С. 105.
4. Дрезен Э. Основы языкоznания, теории и истории международного языка. М., 1932. С. 64.
5. Международный язык. 1925. № 1 (27). С. 7.
6. Бюллетень СЭСР. 1923. № 3. С. 4.
7. Там же. № 4. С. 9.
8. Там же. 1924. № 1. С. 18.
9. Центральный государственный архив Октябрьской революции и социалистического строительства Ленинграда (ЦГАОРЛ), ф. 7225, оп. 1, д. 4, л. 1, 15, 17 об., 39; д. 12, л. 1, 4.
10. Памятка члена СЭСР. 1929/30. М., 1930. С. 6.
11. Устав Союза эсперантистов советских республик. М., 1932. С. 3-5.
12. ЦГАОРЛ, ф. 7225, оп. 1, д. 1, л. 101.
13. Там же, д. 16, л. 5.
14. Там же, л. 27.
15. Там же, д. 15, л. 34.
16. Международный язык. 1933. № 9-10. С. 198.
17. Там же. 1931. № 2. С. 62; 1932. № 5. С. 159; 1934. № 4. С. 97; ЦГАОРЛ, ф. 7225, оп. 1, д. 1, л. 31.
18. Международный язык. 1933. № 3. С. 70-71; ЦГАОРЛ, ф. 7225, оп. 1, д. 1, л. 100, 152, 154, 213 об.
19. Международный язык. 1931. № 3. С. 146.
20. Там же. № 1. С. 11.

21. ЦГАОРЛ, ф. 7225, оп. 1, д. 1, л. 182.
22. Там же, л. 106.
23. Международный язык. 1930. № 1. С. 11.
24. Там же.
25. ЦГАОРЛ, ф. 7225, оп. 1, д. 5, л. 24.
26. Там же, д. 21, л. 4.
27. Там же, д. 1, л. 169.
28. Там же.
29. Там же, д. 1, л. 129.
30. Международный язык. 1933. № 1. С. 32.
31. ЦГАОРЛ, ф. 7225, оп. 1, д. 15, л. 35.
32. Международный язык. 1934. № 2-3. С. 6.
33. ЦГАОРЛ, ф. 7225, оп. 1, д. 1, л. 35.
34. Там же, л. 7.
35. Там же, л. 144.
36. Международный язык. 1928. № 5-6. С. 161.
37. Там же. 1931. № 1. С. 40.
38. ЦГАОРЛ, ф. 7225, оп. 1, д. 1, л. 28.
39. Международный язык. 1930. № 2-3. С. 144.
40. Там же. С. 145.
41. ЦГАОРЛ, ф. 7225, оп. 1, д. 15, л. 30.
42. Там же, д. 3, л. 33 об.; д. 4, л. 16; Бюллетень СЭСР. 1923. № 3. С. 20; Международный язык. 1925. № 4. С. 10.
43. Международный язык. 1930. № 4-5. С. 243.
44. ЦГАОРЛ, ф. 7225, оп. 1, д. 1, л. 6.
45. Там же, д. 4, л. 28.
46. Там же, д. 5, л. 1.
47. Там же, д. 20, л. 2.
48. Там же, д. 3, л. 31 об.; д. 4, л. 16.
49. Там же, д. 1, л. 182.
50. Там же, д. 3, л. 33 об.
51. Там же, д. 1, л. 172.
52. Международный язык. 1930. № 2-3. С. 142.
53. Там же. С. 141.
54. ЦГАОРЛ, ф. 7225, оп. 1, д. 4, л. 28.
55. Там же, д. 15, л. 17.
56. Международный язык. 1934. № 8-9. С. 242.
57. Там же.
58. ЦГАОРЛ, ф. 7225, оп. 1, д. 23, л. 4.
59. Там же, д. 24, л. 9; см. также: Международный язык. 1934. № 8-9. С. 242.
60. ЦГАОРЛ, ф. 7225, оп. 1, д. 43, л. 2.
61. Там же, л. 1-2.
62. *De Bruin G.P. Historio de S.A.T. 1921-1952. Paris, 1953. P. 137.*

Автор выражает признательность В.П.Цветковой за ряд высказанных ею ценных замечаний.

Поступила в редакцию 25 сентября 1994 года